

ISSN 2076-7919

ВЕСТНИК

Волжского университета
имени В.Н. Татищева

Тольятти
№1 (43) 2024
Том I
Филология

ББК 80/84

12+

Филология

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Вестник
Волжского университета
имени В.Н. Татищева
Основан в 1998 году

№ 1 2024
В двух томах
№ 1(43) - 2024, том 1
февраль 2024 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и научных изданий, утвержденный Президиумом ВАК Министерства образования и науки РФ, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
С аспирантов плата за публикации не взимается

УЧРЕДИТЕЛЬ: Образовательная автономная некоммерческая организация высшего образования «Волжский университет имени В.Н. Татищева» (институт)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: к. п. н., доцент Т.Б. Исакова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: к. п. н., доцент Т.Б. Исакова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: д. филол. н., профессор М.Д. Амирхонян (г. Ереван, Армения); д. филол. н., профессор Т.Н. Андреюшкина; д. философии, канд. наук, профессор Й. Догнал (г. Брно, Чехия, г. Трнава, Словакия); д. филол. н., профессор О.А. Клиг; д. филол. н., профессор Е.И. Орлова; д. филол. н., профессор Л.Г. Свитич; д. филол. н., профессор О.М. Скибина; д. филол. н., профессор М.В. Шкондин; к. филол. н., доцент А.А. Градюшко (г. Минск, Беларусь); к. п. н., доцент Т.Б. Исакова

EDITOR-IN-CHIEF: T.B. Isakova, Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor

SCIENTIFIC EDITOR: T.B. Isakova, Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor

EDITORIAL BOARD: Doctor of Philological Sciences, professor M.D Amirkhanyan (Armenia, Yerevan); Doctor of Philological Sciences, professor T.N. Andreyushkina; Doctor of Philosophy, Candidate of Sciences, professor J. Dohnal (Brno, Czech Republic, Trnava, Slovakia); Doctor of Philological Sciences, professor O.A. Kling; Doctor of Philological Sciences, professor E.I. Orlova; Doctor of Philological Sciences, professor L.G. Svitich; Doctor of Philological Sciences, professor O.M. Skibina; Doctor of Philological Sciences, professor M.V. Shkondin; Candidate of Philological Sciences, associate professor A.A. Gradyushka (Minsk, Republic of Belarus); Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor T.B. Isakova

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотации несут авторы публикаций.

Адрес редакции:

445020, г. Тольятти, ул. Ленинградская, 16, каб. 312

Тел.: 8(8482) 48-73-07

E-mail: vestnik@vuit.ru

Сайт: www.vuit.ru

Адрес издателя:

445020, г. Тольятти, ул. Ленинградская, 16, каб. 312

ISSN 2076-7919

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-35612 от 12.03.2009 г.

Подписной индекс АО «Почта России» **ПН022**

Свободная цена

Редактор – Т.Б. Исакова
Компьютерная верстка – Т.Б. Исакова

Подписано к печати 24.02.2024.

Дата выхода в свет: 30.04.2024

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура TimesNewRoman.

Печать офсетная. Усл. п.л. 28,48.

Тираж 500 экз. Заказ № 210.

Отпечатано в типографии ВУиТ

445020, г. Тольятти,

ул. Ленинградская, 16

© Авторский коллектив, 2024

© Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	6
<i>Карпенко Г.Ю., Франковская Л.В.</i> ДУША И ДУХ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ И.А. БУНИНА: ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ.....	6
<i>Миронова Г.С.</i> СКАЗКА КАК МЕТАЖАНР ДРАМАТИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ Е. Л. ШВАРЦА «ГОЛЫЙ КОРОЛЬ», «ТЕНЬ», «ДРАКОН».....	15
<i>Филимонова Н.Ю.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ Н.С. ЛЕСКОВА (СОТРУДНИЧЕСТВО С ГАЗЕТОЙ «РУССКАЯ РЕЧЬ»).....	29
МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА	37
Политические науки	37
<i>Арканникова М.С.</i> КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ МУЗЕЕВ: ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ «30 КАРТИН ИЗ ЖИЗНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО» К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА I.....	37
<i>Дорский А.А.</i> «ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ» КАК ПРОБЛЕМА НАУК ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ КОММУНИКАЦИЯХ	52
<i>Фадеева А.В.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ.....	61
<i>Шакалов И. И.</i> ЭКСТРАРЕЧЕВЫЕ ПАРАМЕТРЫ МОДЕЛИ МЕДИАДИСКУРСА МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ	73
<i>Шарахина Л.В.</i> КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЦИФРОВЫХ МЕДИА В СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ РОССИЙСКИХ КОРПОРАТИВНЫХ ГРАЖДАН	89

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА	103
Философские науки	103
<i>Зубаркина Е.С.</i>	
АКСИОЛОГИЯ ДЕТСТВА В КОНТЕКСТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ XVIII-XIX ВЕКОВ: ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ	103
<i>Свитич Л.Г.</i>	
МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ДИХОТОМИЙ В РУССКОЯЗЫЧНОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ МЕДИАПОЛЕ (ПО БАЗАМ ПРОГРАММЫ «ИНТЕГРУМ»). МЕТОДИКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВТОРОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЯ ...	116
МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА	134
Филологические науки	134
<i>Гликина А. В.</i>	
«СМЕХ НА ГРАНИ», КОГДА ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ НАЧИНАЮТ ВЫХОДИТЬ ЗА РАМКИ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ	134
<i>Демина Л.И., Носаев Д.А.</i>	
МЕДИАСРЕДА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КАК СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ И РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «КУБАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»)	145
<i>Захарченко Н.А., Карелова Т.В.</i>	
«ИНСТАГРАМНОСТЬ» В СИСТЕМЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	153
<i>Зеленина Е. В., Барышников К. Б.</i>	
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ В ЖУРНАЛИСТИКЕ (к 150-летию русского мыслителя и публициста Н.А. Бердяева)	162
<i>Землянский А.В.</i>	
СТРАТЕГИИ ОСВЕЩЕНИЯ В СМИ ПАНДЕМИЙ ИСПАНСКОГО ГРИППА И COVID-19: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	174
<i>Кунцына Н. В.</i>	
TRAVEL-ЖУРНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА (МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ)	186
<i>Панченков С.А.</i>	
СОВЕТСКАЯ ЦЕНЗУРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ГРАЖДАНСКИЕ СМИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 1941–1945 ГОДАХ	194

Тюнина Е. В.

МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ В РОССИИ И МИРЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ203

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА.....211

Новицкая И. Я.

СТАТЬЯ 5. МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ КАЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕМИРОВАЯ МАССОВАЯ КУЛЬТУРА: ОТНОСЯТСЯ ЛИ ДЕТСКИЕ КНИГИ ШВЕДСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ АСТРИД ЛИНДГРЕН К КАЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ?211

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....240

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 821.161.1.09

DOI 10.51965/2076-7919_2024_1_1_6

Карпенко Г.Ю., Франковская Л.В.

ДУША И ДУХ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ И.А. БУНИНА: ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ

Karpenko G.Yu., Frankovskaya L.V.

SOUL AND SPIRIT IN I.A. BUNIN'S EARLY LYRICS: THE SEARCH FOR IDENTITY

Ключевые слова: Бунин, лирика, душа, Дух, идентичность, природное, психофизиологическое, теоантропное, аксиология.

Keywords: Bunin, lyrics, soul, Spirit, identity, natural, psychophysiological, theoanthropic, axiology.

Аннотация: В связи с подготовкой академического полного собрания сочинений И.А. Бунина усилился исследовательский интерес к целому комплексу буниноведческих проблем, в том числе к разным этапам творчества писателя. Активно разрабатывается и проблематика ранней лирики Бунина: но в основном внимание исследователей обращено на «литературность» лирики Бунина, задействуются инструментальные методы ее описания. В статье рассматривается проблема душевной идентичности в ранней лирике Бунина. В центре осмысления находится душевное в лирике Бунина, получающее свое выражение в тексте (слове) в виде восприятия: ощущений, переживаний, эмоций, – то есть рецептивно, психофизиологично. С одной стороны, описывается, как душевное – самозамкнутая в себе и на себе психоментальная идентичность – проявляется только как реакция на мир и как его усвоение-присвоение, как превращение его в «субстрат» самости (даже в отчужденном качестве); показывается, как душевное обнаруживает себя в качестве непосредственной реакции на мир, как его переживание (радость, печаль). С другой стороны, также вскрывается специфика душевного в лирике Бунина: оно – душевное – хотя и психофизиологично, но и культурно, «окультуривается», «стекается» не только «вниз», в телесное или «держится» на уровне, в «горизонте» обычного удовольствия или разочарования, но и возносится «вверх», в духовное, в «небесное» (как это обозначено в христианской традиции). И самое главное устанавливается, как в ранней лирике Бунина душа наделяется мощью и энергией сопряжения с мельчайше малым и с «космическим» бесконечно-вечным, с радостью и с грустью, с жизнью и со смертью, может иметь своим субстратом «психофизиологические» данные, сублимируемые и высветляемые до уровня стихий и энергий вселенского масштаба, быть сородственной Богу.

Abstract: In connection with the preparation of the academic complete works of I.A. Bunin, research interest in a whole range of Buninological problems, including various stages of the writer's work, has increased. The problems of Bunin's early lyrics are also being actively developed: but mostly the attention of researchers is focused on the "literariness" of Bunin's lyrics, instrumental methods of describing it are used. The article examines the problem of mental identity in Bunin's early lyrics. At the center of comprehension is the spiritual in Bunin's lyrics, which receives its expression in the text (word) in the form of perception: sensations, experiences,

emotions – that is, receptively, psychophysiologicaly. On the one hand, it describes how the soul – a psychomental identity self-enclosed in itself and on itself – manifests itself only as a reaction to the world and as its assimilation-appropriation, as its transformation into a "substrate" of the self (even in an alienated quality); it shows how the soul reveals itself as a living relation to the world, as its experience (joy, sadness). On the other hand, the specificity of the spiritual in Bunin's lyrics is also revealed: it is spiritual – although psychophysiologicaly, but also culturally, "cultivated", "flows" not only "down" into the bodily or "holds" at the level, in the "horizon" of ordinary pleasure or disappointment, but also rises "up", into the spiritual, into the "heavenly" (as it is designated in the Christian tradition). And most importantly, it shows how in Bunin's early lyrics the soul is endowed with the power and energy of conjugation with the smallest and with the "cosmic" infinite-eternal, with joy and with sadness, with life and with death, can have as its substrate "psychophysiological" data, sublimated and illuminated to the level of elements and energies of universal scale, to be related to God.

В.Н. Топоров в своих работах «об изоморфизме творца и творимого, поэта и текста»¹ актуализировал проблему описания художественного текста как эстетико-психофизиологического феномена, как текста, где «каждое слово, выступающее как индекс “мира”, оповещающий о некоем важном его параметре <...> образует переживание собственного тела, его ощущений, радостей, страданий, потребностей <...> “Соматическое” бытие, “душе-телесная” жизнь выступает как то основание, которое – при широком подходе – составляет содержание важной, в значительной степени базовой, части поэтических текстов и сам “язык”, это содержание описывающий. Следовательно, биофизическая органика в известной мере определяет, “преформирует” некий существенный пласт духовного творчества»².

Как видим, В.Н. Топорова интересуется антропологические компоненты текста в его эмотивно-эмоциональных, аффективных, соматических проявлениях, даже экстатического и патологического характера. Вполне очевидно, что такого рода антропное присутствие в тексте должно быть по-другому описано: «Во всех этих случаях сферы “свидетельского” и “доказа-

тельного” аранжируются совсем иначе, чем в “холодных” текстах, переводимых в логико-дискурсивные конструкции»³.

В гуманитарных науках наметился интенсивный процесс если не преодоления и устранения «инструментально-позитивистских» подходов, то их включения с перестановкой в подчинительное положение внутри аксиологического – теантропно-центрированного – литературоведения, цель которого осмыслить «ословесенного» человека как живого культурно-исторического индивида в составе Универсума и в соотношении с малыми величинами и бесконечно неизмеримыми. Как говорил С.С. Аверинцев, «Литературное слово должно быть соотносено с историей, с социальными и политическими реалиями истории, но соотносено не иначе, как через человека <...> линия эта не должна миновать человека, его самоощущение внутри истории, его догадки о самом главном – о его месте во вселенной»⁴.

В литературоведении возникает понимание необходимости переосмысления существующих инструментальных практик, нацеленных на описание текста как совокупности «приемов», бинарных абстрактно-понятийных отношений, заданных теоретической установкой ученого. Речь идет о

¹ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. С. 428.

² Там же. С. 429.

³ Там же.

⁴ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С.12-13.

важности преодоления доминантных деструктивных аналитических процедур, обусловленных как долгой рационалистической традицией бинаризма, идущей еще от античности, так и особенностями позитивистского мышления, сказавшегося в советском типе мировоззрения. Именно этой проблеме современного литературоведения – необходимости смены «режима релевантности» – посвящена монография Г. Тиханова «Рождение и смерть литературной теории. Режимы релевантности в России и за ее пределами»¹.

В контексте сказанного можно обозначить и цель предлагаемой статьи: в центре рассмотрения будет находиться душевное в лирике И.А. Бунина, получающее свое выражение в тексте (слове) в виде восприятия: ощущений, переживаний, эмоций, – то есть рецептивно, психофизиологично. Но душевное как самозамкнутая в себе и на себе психоментальная идентичность возможно только как реакция на мир и как его усвоение-присвоение, как превращение его в «субстрат» самости (даже в отчужденном качестве). Следовательно, душевное измеряется как живое отношение к миру, как его переживание. Однако оно – душевное – хотя и психофизиологично, но и культурно, «окультуривается», может «стекаться» не только «вниз», в телесное или «держаться» на уровне, в «горизонте» обычного удовольствия, но и возноситься «вверх», в духовное, в «небесное» (как это обозначено в христианской традиции). Душевное – душа – обладает мощью и энергией сопряжения с мельчайше малым и с «космическим» бесконечным-вечным, с радостью и с грустью, с жизнью и со смертью, может иметь «своим субстратом “психофизиологические” данные, сублимируемые и высветляемые до уровня стихий и энергий вселенского масштаба»².

Душевное как культурно-психофизиологическое и биографично, и динамично: по эмоциональным знакам текста можно догадаться, узнать, что какие-то изменения происходят в «биографической» сфере, опять-таки на уровне бытовых или вселенских событий. Такая установка – интерес к душевному как культурно-психофизиологическому – существенно переориентирует исследование с поэтики текста на эмоциональную сферу субъекта переживания, с описания системных связей текстовых единиц на осмысление зыбких закономерностей динамического процесса душевных проявлений, изменчивых состояний внутреннего мира.

В центре внимания будет находиться не «литературность» Бунина, рассматриваемая в контексте русского модернизма и поэтических связей³, а «антропность», субъектная сфера переживаний, выраженных в знаках как модусах бытия⁴. В связи с обозначенным направлением мысли особый интерес и предмет исследования представляет начальное формирующееся в процессе мирообщения поэта ценностное сознание, определяемое как раз по эмоциональной окраске отношения к окружающему и состоянию субъекта переживания: «Это было время литературного самоопределения Бунина»⁵. В поле зрения осмысления и оценки оказываются 190 стихотворений Бунина, написанных с 1886 по 1902 год включительно.

В начальный период, охватывающий 10 лет и примерно 80 стихотворений, мы встречаемся с двойным парадоксом в лирике Бунина, пейзажным и религиозным.

Как отмечает Т.М. Двинятина, «...большую часть ранней лирики Бунина составляли пейзажные стихотворения, которые порой складывались в своеобразный

¹ Tihanov G. The Birth and the Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2019. 272 p.

² Топоров В.Н. Указ. соч. С. 428.

³ Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2015. 441 с.

⁴ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 4.

⁵ Двинятина Т.М. Указ. соч. С. 21.

лирический дневник времен года»¹. «Дневниковость» как литературно-лирическая форма ранней лирики Бунина выделяется и анализируется Е.В. Кузнецовой². Но опять-таки важно обратить внимание не только на литературные истоки бунинской лирики³, но и на особенности субъектно-объектных отношений человека и природы⁴, на «психологическую функцию внешней изобразительности»⁵, – на антропные, психоэмоциональные результаты такой включенности героя как в природный, так и в социокультурный и духовно-вселенский ритм бытия.

Следует напомнить, что в творчестве Бунина можно выделить «подготовительный» этап прозрения, когда субъект познания пока находится в состоянии «неведающего наблюдателя», он только впечатлен разнообразными картинами природы, ее движением и сменой явлений: природа пробуждает в нем только душевный отклик, чувства радости и грусти.

Показательна в этом отношении ранняя лирика Бунина, наполненная душевно-эмоциональными откликами на состояния природы: «Как печально, как скоро померкла / На закате заря! Погляди...»⁶; «Помню – долгий зимний вечер, / Полумрак

и тишина» (т. 1, с. 60). Бунин выражает чувства душевно-природной связанности, словно показывает жизнь единого «организма». Так, созерцание полевых цветов вызывает в сердце героя переживание «родного» в природе: «Веет от них красотою стыдливою, / Сердцу и взору родные они...» (т. 1, с. 57)⁷.

«Пейзажный парадокс» ранней лирики Бунина заключается в том, что изображаемая природа, с другой стороны, предельно объектна, дана сама по себе. Бунин фиксирует исходящее от самой природы движение, ее неостановимый бытийный ритм – обычную сменяемость дня и ночи, времен года: «В темнеющих полях, как в безграничном море, / Померк и потонул зари печальный свет» (т. 1, с. 58); «Давным-давно закат, чуть тлея, чуть горя, / Померк...» (т. 1, с. 61).

«Религиозный парадокс» находит свое выражение в том, что, казалось бы, христианское мировидение уже в ранней лирике должно определить доминантное – духовное – отношение Бунина к природе и жизни, так как им создается ряд актуальных стихотворений «Любил я в детстве сумрак храма» (т. 1, с. 63), «Под орган душа тоскует» (т. 1, с. 66), «В костеле» (т. 1, с. 72), «Ангел» (т. 1, с. 77), «Троица» (т. 1, с. 86), «В Гефсиманском саду» (т. 1, с. 92), «Христос Воскрес!» (т. 1, с. 102). Однако они представляют собой эмоционально-ситуативные зарисовки, в которых ощутима или картинность, риторичность («В костеле»)⁸, отдаляющие субъект от органической включенности в происходящее, или

¹ Указ. соч. С. 30.

² Кузнецова Е.В. Поэтика эго-документа в ранней лирике И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2022. № 2 (174). С. 276–291.

³ Двинятина Т.М. Ранняя лирика И.А. Бунина: истоки и влияния // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 5–17.

⁴ Владимиров О.Н. Лирика Бунина: эволюция отношений между объективным и субъективным // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 176–190.

⁵ Сливацкая О.В. И.А. Бунин: о психологической функции внешней изобразительности // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 9–14.

⁶ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1965–1967. Т. 1. С. 56. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием тома и страницы.

⁷ Карпенко Г.Ю., Франковская Л.В. Особенности художественной гносеологии И.А. Бунина: от наблюдения до «чувственной памяти» // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Филология. 2023. № 4 (42). Т. 1. С. 18–27.

⁸ Ганиев Ж.В. Риторические мотивы в ранней лирике И.А. Бунина (I) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2 (46). С. 84–92.

локализацию душевно-духовного переживания, вынесенного в область воспоминания о невозвратном прошлом («Любил я в детстве сумрак храма»). Душевно-психофизиологическое переживание, порожденное природой, и душевно-духовное, возникшее как отклик на христианские события, существуют параллельно, не структурируют эмоциональное ядро личности, а раздваивают его.

Вот эта раздвоенность, расщепленность эмоционально-личностного ядра обнаруживается в параллельном и почти независимом функционировании двух абсолютных начал – природы и Бога – в ранней лирике Бунина. В первых стихотворениях Бунина разъединенность абсолютных начал и энергий бытия – Бога и природы – являются существенным, но, может быть, едва заметным признаком, – незаметным, потому что субъект переживает явления природы в предельных эмоциональных состояниях, в тех, в которых воспринимается и Господь: «Жизнь зарождается в мраке таинственном, / Радость и гибель ея / Служат нетленному и неизменному – / Вечной красе Бытия!» (т. 1, с. 65); «Пью, как студеною воду, / Горную бурю, свободу, / Вечность, летящую тут» (т. 1, с. 67), «То было счастье просветленья, / Высокий трепет приобщенья / К духовной жизни, к красоте!» (т.1, с. 77); «За все, что пережито днем, / За все, что с болью я скрываю / Глубоко на сердце своем, – Я никого не обвиняю, За счастье минут таких, За светлые воспоминанья / Благословляю каждый миг / Былого счастья и страданья!» (т. 1, с. 97); «Звездный свет да океан зеркальный – / Царство этой ночи неземной <...> / Час полночный звезды над морями / И в морях таинственно дрожат. // Южный Крест, загадочный и кроткий, / В душу льет свой нежный свет ночной – И душа исполнена предвечной / Красоты и правды неземной» (т. 1, с. 99).

Душевное восприятие природы находит свое выражение в состояниях высшего психоэмоционального (антропного) и

семантического (поэтического) порядка. Может даже показаться, что Бунин видит природу как Божье творение, но на самом деле она натурфилософична и в этом смысле переживается душевно, психофизиологично, вне мистической встречи с Богом, вне Завета, а как бы в преддверии «встречи» с Ним и обретения Завета.

Своеобразной метафорой «задушевного» восприятия мира – выразительной «эмблемой» аффективной души – является стихотворение «Счастлив я, когда ты голубые / Очи поднимаешь на меня» (т. 1, с. 104), в котором герой в эмоциональном порыве замыкается в пределах межличностных отношений, наполненных только психофизиологичным (хотя слова используются семантически высокого порядка): «Близ тебя светла душа моя... / Милый друг! О, будь благословенна / Красота и молодость твоя!» (т. 1, с. 104). Можно вспомнить для сравнения и теoантропной перспективы вечное пожелание А.С. Пушкина в подобной ситуации: «Как дай вам Бог любимой быть другим»¹.

Библия свидетельствует: чувство Бога обретается на путях страдания (Книга Иова, Книга Екклесиаста, Евангелие). На путях страдания, психоэмоционального переживания сумрачности бытия душа встречается с Богом, полнится истинно духовным. Так и случается в ранней лирике Бунина.

Как это происходит? В личном опыте повседневного переживания открывается непреложная истина: в мире царит не только радость приобщения к «вечной красе Бытия», но в нем на равных господствует и жуткое величие, загадочное молчание Смерти. Смерть с большой буквы как имя собственное, как реальная сила существования. Герой в переживаниях сумрачности бытия подходит к душевному и бытийному пределу: «Когда на темный город сходит / В глухую ночь глубокий сон <...> /

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 1977–1979. Т. 3. Стихотворения. 1827–1836. Л.: Наука, 1977. 497 с.

Мир опустел... Земля остыла... <...> И на пустынном, на великом / погосте жизни мировой / Кружится Смерть в веселье диком / И развеивает саван свой!» (т. 1, с. 96); «Здесь кипарисы ждут – и строго, молчаливо / Восходит Смерть сюда с добычей роковой» (т. 1, с. 104); «Все земное / Смерть, как страж, обходит в тишине» (т. 1, с. 145).

Примечательно символическое функционирование в этот период (1895 год) в пространстве торжествующей Смерти колокола. Как известно, колокольный звон – это Благая весть, вынесенная за пределы Храма. Но в «сумрачных» («выюжных») стихотворениях Бунина колокол во власти природных стихий: «Когда метель, кружась заводит / На колокольных перезвон, – / Как жутко сердце замирает! / Как заунывно в этот час, / Сквозь вопли бури, долетает / Колоколов невнятный глас!» (т. 1, с. 96); «С темной башни колокол уныло / Возвещает, что закат угас» (т. 1, с. 145).

Настроения душевной сумрачности порождены сумрачными состояниями природы: в этом случае можно говорить даже о взаимном перенесении, о так называемом психологическом параллелизме (если вспомнить язык традиционного литературоведения), но только с одной поправкой, – когда «психологична» и природа: «Отчего ты печально, вечернее небо <...> Одинокое сердце и грустные думы / В беспредельном просторе морей?» (т. 1, с. 105). Причем этот трагический психологизм душевного и природного в какой-то момент жизненного пути поддерживается и освящается народной мудростью, вековечным опытом предков (стихотворение «На хуторе»): «Не взойти над степью солнышку с заката, / Нет пути-дороги к невозвратным дням!» (т. 1, с. 106), – и находит постоянное оправдание в личных переживаниях и в созерцании сверхличной разрушительной силы: «Безотраден путь мой! Каждый божий день – / Глушь лесов да холод-голод деревень... / Стыдно мне и больно... Только стыд-то мой / Слишком скоро гаснет в тишине

немой!» (т. 1, с. 107); «Но Ангел мятежный, весь буря и пламя, / Летящий над миром, чтоб смертною страстью губить, / Уж мчится над нами!» (т. 1, с. 109); «И звезды тускло, недвижимо / Горят над головой, / Как будто их зажег незримо / Сам ангел гробовой» (т. 1, с. 111); «Иду я медленно, – и мертвое молчанье / Царит во тьме аллей» (т. 1, с. 112); «Надежда, грусть, любовь – вы, старые слова, / Как блеклая листва, не расцветете снова!» (т. 1, с. 114).

Кажется, что в такой «языческой» подчиненности души природным силам достигается предел возможностям человеческого переживания, обретается устойчивое чувство безропотного подчинения сверхличному и природному как роковому. Создается впечатление, что происходит «окончательная встреча» душевного и природного: душевное как психофизиологическое происходит из природного. Но, как открывает и показывает Бунин, душа не только сородственна природе, но и сверхприродна, в ней есть другой исток и волевое антропное начало, есть сверхмерность, не подвластная непреложным роковым силам природы. Бунин по-разному представляет торжество душевного как антропного и надприродного; душа нарушает природный ритм, разрушает закономерность «психологического параллелизма»: «Знаю я, – опять меня обманет / Этот сон при первом блеске дня, / Но пока печальный день настанет, / Улыбнись мне – обмани меня!» (т. 1, с. 110); «И обнимает эта даль, – / Душа отдаться ей готова, / И новых, светлых дум печаль / Освобождает от земного» (т. 1, с. 112); «Листья падают в саду... <...> Но в душе – все веселей! / Я люблю, я молод, молод: / Что мне этот шум аллей / И осенний мрак и холод? <...> / Сердце страстно жизни ждет, / Счастья просит!», «Одинокое я бреду / По листве в аллее старой, / В сердце – новая любовь...» (т. 1, с. 113); «Душа готова вновь волнениям предаваться, / И сладко ей грустить и грустно упиваться / Не внемля голосу ума» (т. 1, с. 114); «В холодной и безмолвной красоте / Все застывает,

медленно мертвея, / И веет холод ночи на меня, / И я стою, безмолвием объятый... / Как хорошо, как одинока жизнь!» (т. 1, с. 115); «Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес <...> И дышит ночь теплом, и сердце верит ей, – / Колосьям божьих нив» (т. 1, с. 118).

Как из созерцания мрачных картин природного увядания и сумерек ночи и осени рождалось чувство роковой обреченности и торжества смерти, точно так же из непроясненных глубин человеческой души рождается ощущение бессмертия. В душе есть психофизиологический «субстрат» бессмертия: «Не верю, что умру, устану, / Что навсегда в земле усну, – / Нет, – упоенный счастьем жизни, / Я лишь до солнца отдохну!» (т. 1, с. 119).

Вполне очевидно, что смена настроений в ранней лирике Бунина не может быть подобна перевернутой странице, отброшенного листа. Тем примечательнее и показательнее ситуация столкновения в душе двух бытийных пределов – жизни и смерти – и антропный результат такого столкновения: «И один я в поле, и отважно / Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...» (т. 1, с. 125).

Бунин вроде бы продолжает традиционные для своего творчества мотивы света и тьмы, о чем говорят даже названия произведений: «Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет» (т. 1, с. 129), «Не угас еще вдали закат» (т. 1, с. 129), «Когда деревья в светлый майский день» (т. 1, с. 130), «По вечерней заре» (т. 1, с. 132), «Ночь печальна, как мечты мои» (т. 1, с. 132), «Рассвет» (т. 1, с. 133), «Закат» (т. 1, с. 135), «Сумерки» (т. 1, с. 135), «Ночь и день» (т. 1, с. 140) и др. В них узнаваемо воплощена одна и та же устремленность к природному: «Вслед заре, уходящей к закату, / Умирающим звукам вослед / Посылаю тебе мою душу – Мой печальный и нежный привет!» (т. 1, с. 132). В них звучат те же мечты о том, «Что воскресит мне радость неземную / Печальная земная красота» (т. 1, с. 137).

Но «печальная земная красота» и «неземная радость», переживаемые как душев-

ные состояния, может быть, и обладают словесной выразительностью, но все же они «неперсоналистичны», условны, ситуативны и в этом смысле пребывают в потоке времени, исчезновения. Тогда получается так, что и душа, как бы экстатически она не соотносилась с природой, живет только в потоке времени, подчиняется природному ритму. Антропная глубина души нуждается в надежной опоре: и такой органической опорой становится Бог – Творец мира, источник всех природных и антропологических совершенств и явлений. Душа обретает Бога в мире и в себе: «Воистину достоин воспринять / Ты, Господи, хвалу, и честь, и силу / Затем, что все тобой сотворено / И существует волею твоею!» (т. 1, с. 157). Бог и душа человека, как показывает Бунин, хотя до конца и в невыразимом, но осязаемом смысле соизмеримые величины: «Вновь мрак томления земного / Господь десницею расторг» (т. 1, с. 139); «Лампадка, бережно хранящая / Заботой божеской руки» (с. 1, с. 140).

Это уже другой мир. В нем существует Бог. И душа как сфера психофизиологического переживания прорастает в духовное, становится теoантропной. Бунин приходит к признанию истин извечного: той, что исстари записывалась в «священные скрижали»: «Старую книгу читаю я в долгие ночи / При одиноком и тихо дрожащем огне: / "Все мимолетно – и скорби, и радость, и песни, / Вечен лишь Бог. Он в ночной неземной тишине"» (с. 1, с. 140).

Раньше в первых поэтических опытах Бунина могло посетить сомнение в том, что живое пребывание Творца в мире выветрилось в веках: «Не во тьме ль веков остался / День, когда с тоской / Человек, как раб, склонялся / Ниц перед тобой / И сиял зловещей славой / Пред лицом людей / В блеске молнии кровавой / Блеск твоих очей?» (т. 1, с. 73). То теперь, ближе к концу 1890-х годов, такое сомнение вытесняется страстным утверждением бытия

Бога: тот «день господний» не угас «во тьме веков», а существует в сегодняшней жизни как ее неуничтожимое, вечное духовное (онтологическое) начало: «Бог Вседержитель, коий пребывает / И был во веки века и грядет!» (т. 1, с. 157).

Признание мира «Божьим миром» (т. 1, с. 142) ведет к изменению духовного, нравственно-психологического положения человека в этом мире, существенно влияет на характер его восприятия, особенности его самоориентации, специфику познания, на содержание его представлений о мироустройстве. Природа уже переживается не только психофизиологично в ее божественной насыщенности, внутренне близкой человеку, но она становится подчиненной этой верховной силе. В природном мире человек всегда мог «скрыться» от земных горестей и страданий в ликующем приятии природы, так как «светлые» и «темные» сферы были поделены: светлое – радость, красота бытия – принадлежало духовному небу («И душа исполнена предвечной красоты и правды неземной»), а темное – смерть, горе – природному циклическому ритму и неведомому земному. В божьем мире человеку «скрыться» уже некуда: и светлое, и темное есть проявление неземного: мир наполнен и «радостью неземной», и «неземным трауром» (т. 1, с. 135).

Утверждение надмирной силы, воплощенной в Боге, стало определяющей чертой в становлении душевного переживания в ранней лирике Бунина. Сугубо личный поиск высшего смысла привел к тому, что высказанное в «старой книге» совпало с тем, что было писателем прочувствовано под воздействием конкретного движения «света и мрака» жизни. Духовная автономность бунинского созерцания мира обогатилась «святым» восприятием. Интерес Бунина к изначальным сущностям совпал с тем божьим интересом к первоначалам бытия, который запечатлен в Священ-

ной книге. Она стала для Бунина духовным источником, выражением универсальной правды о жизни человека. Отныне писатель мог словами Священной книги определить нечто вечное, неизменное, то, что всегда от рождения века пребывает в душе каждого человека.

Однако не может не обратить на себя внимание и мотив трагической обреченности человеческого существования, усиливающийся в ранней лирике Бунина в конце 1902 года: «И снова в путь... А для чего, - кто скажет? / Жизнь, как могила в поле, молчалива» (т. 1, с. 174), «А дни бегут... Им никого не жаль» (т. 1, с. 174); «...и вет на вершине / Дыханьем смерти, холодом пустыни» (т. 1, с. 176). Бунин словно возвращается к пессимистическим настроениям, звучавшим ранее. Однако применительно к лирике Бунина нужно говорить не о пессимизме и не об оптимизме, а о религиозном трагизме, о более сложном душевно-духовном переживании человека, которое в полной мере выражено в Книге Екклезиаста, призывающего верных, столкнувшихся с ужасами жизни, «суею сует» (Еккл 1: 2). Если пессимизм включает в себя неверие в высшую оправданность жизни, то трагический взгляд при всей сумрачности подмечаемых им картин находит выход в признании духовной незыблемости мира, неуничтожимости его сущностных основ, утверждает Дух вопреки очевидности.

Бунин как писатель трагического склада мышления прозревает в самой жизни, помимо неизбежности умирания, обреченности всего на гибель, еще и мудрость, любовь как верховные – Божьи – качества, присущие как природной, так и социальной жизни: «Смерть не семя губит, а срезает / Лишь цветы от семени земного. / И земное семя не иссякнет. / Скосит Смерть – Любовь опять посетит» (т. 1, с. 188).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 1977. 480 с.
2. Бунин, И.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1965-1967.
3. Владимиров, О.Н. Лирика Бунина: эволюция отношений между объективным и субъективным // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 176–190.
4. Двинятина, Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2015. 441 с.
5. Ганиев, Ж.В. Риторические мотивы в ранней лирике И.А. Бунина (I) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2 (46). С. 84–92.
6. Двинятина, Т.М. Ранняя лирика И.А. Бунина: истоки и влияния // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 5–17.
7. Карпенко Г.Ю., Франковская Л.В. Особенности художественной гносеологии И.А. Бунина: от наблюдения до «чувственной памяти» // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Филология. 2023. № 4 (42). Т. 1. С. 18-27.
8. Кузнецова, Е.В. Поэтика эго-документа в ранней лирике И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2022. № 2 (174). С. 276–291.
9. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 1977–1979. Т. 3. Стихотворения. 1827-1836. Л.: Наука, 1977. 497 с.
10. Сливицкая, О.В. И.А. Бунин: о психологической функции внешней изобразительности // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 9–14.
11. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. 623 с.
12. Tihanov G. The Birth and the Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2019. 272 p.

Дата поступления: 12.02.2024

Дата принятия: 22.02.2024